В.Н.Барышников

Финны на службе в войсках СС Германии в годы Второй мировой войны /часть III/.

Официальное решение о расформирование финского эсесовского батальона, которое произошло в начале июля 1943 г., оказалось, однако, достаточно неоднозначным. Нацистскому руководству все же, в конце концов, удалось добиться признания Финляндией права для своих бывших эсесовцев в индивидуальном порядке вернуться в Германию. Ведя сложную дипломатическую игру, К. Г. Маннергейм поддался определенному давлению рейха /1/. Он вынужден был, в конце-концов, заявить, что «мнение немецкого руководство должно быть принято во внимание» /2/.

В результате, окончательно маршал сообщил, что «военнослужащие, распущенного финского батальона СС, на которых распространяются законы о действительной воинской службе, обязаны быть призваны в финскую армию». Но при этом он добавил, что «те, кто не подчиниться этому распоряжению имеют возможность вернуться на сверхсрочную службу в ваффен-СС Германии» /3/. Подобное уточнение, как считалось в финском руководстве, было «необходимым», чтобы тем самым «не обидеть» рейх и более того, как сообщил министр иностранных дел Финляндии американским дипломатам, в правительстве страны, даже продолжают обсуждать вопрос о возможности в перспективе помочь немцам организовать новую вербовку финских добровольцев в эсесовские войска /4/.

Однако, окончательные решения финских официальных представителей в отношении батальона СС делали летом 1943 г. политику, проводившуюся Финляндией, достаточно неоднозначной. Неслучайно, поэтому американский дипломат Роберт Мак-Клинток, работающий тогда в Хельсинки, пришел к четкому выводу, что «часть, если не весь финский батальон СС скоро опять вернется в Германию». Он в тот момент твердо сообщал в госдепартамент США, что «почти уверен, что в Финляндии набор свежих войск СС будет вновь организован» и что «немцы для своей пропаганды в этом больше заинтересованы, нежели чем им вообще необходимы для военных целей финские солдаты» /5/.

Подтверждение этому утверждению стало и вся дальнейшая специфическая внешняя политика, которую продолжали осуществлять в Хельсинки. Президент Финляндии тогда перед иностранными дипломатами даже рискнул, например, заявить: «Американцы предлагают нам только слова. Немцы же дают хлеб» /6/. Комментируя это утверждение, современный исследователь из США Р. М. Берри, заметил, что «Рюти был прав, но, немецкий “хлеб” был платой финнам “фунтом за услугу” в их поддержке германских целей войны, а американские “слова” включали посредничество» уже для достижения мира, т. е. были обращены уже в будущее /7/. Таким образом, в финском руководстве пока еще предпочитали продолжать находиться в лагере нацистской Германии. У финского же командования вообще сохранялась тенденция к определенному колебанию, касающегося вопроса о степени участия их войск в боевых действиях. Там явно существовала надежда и на возможность нового перелома на фронте в пользу рейха. Эта надежда, прежде всего, связывалась с перспективой успеха летнего наступления вермахта. Как заметил в своем дневнике крупный политический деятель страны Ю. К. Паасикиви, тогда еще финские «военные в отношении германо-русской войны (были. - *В. Б.*) оптимисты» /8/.

В целом, таким образом, нацистское влияние в Финляндии очевидно сохранялось, также как существовала у ряда фанатично преданных делу рейха финских эсесовцев возможность продолжить сражаться на завершающей стадии Второй мировой войны за нацизм, служа далее в немецкой дивизии ваффен-СС «Викинг».

Тем не менее, естественно, в Германию вернулось весьма ограниченное число финнов и Г. Гиммлеру полностью восстановить финский батальон так и не удалось. К тому же в Берлине о новом наборе в Финляндии в войска СС также пока вопрос не ставился. Очевидно, что многое теперь завесило от итогов разгорающегося сражения на Курской дуге.

Дивизия «Викинг» в это время вновь приняла активное участие в боевых действиях на южном фланге советско-германского фронта. Ее опять двинули на передовую. При чем к тому моменту дивизия была уже оснащена новейшими видами немецкого вооружения и в значительной степени доукомплектована свежим личным составом принятых в СС солдат. Более того, в новых условиях дивизия стала именоваться бронетанковой и в ней произошла смена командира. Ее возглавил бригаденфюрер СС (генерал-майор) Г. Гилле.

Тем не менее, следует учитывать, что финнов в боевых порядках этой дивизии все же оставалось весьма немного. Более того, в эсесовском руководстве было решено, что на смену некогда единому финскому подразделению следует подготовить новый батальон, которой должен был теперь состоять из эстонских «арийцев». Таким образом, в войсках СС появились уже другие представители финно-угорских народов, а сам этот эстонский батальон получил звучное название «Нарва» /9/.

Однако о финских эсесовцах, которые продолжили свою службу в немецких войсках существуют пока лишь определенные, достаточно приблизительные сведения. Разумеется, что во многом скудность информации об их деятельности в новых условиях, естественно, делало крайне сложным задачу дальнего отслеживания их конкретного вклада в боевой путь дивизии «Викинг». Это становилось достаточно сложно.

В целом, известно, что в начале 1944 г. финны вместе с голландскими и немецкими эсесовцами вели весьма напряженные боевые действия в районе Днепра /10/. Также известно, что в дальнейшем, уже в момент наступления советских войск в

районе Буга себя проявил, в частности, финский эсесовец - оберштурмфюрер (лейтенант) О. Олин. Для него, по мнению немецкого исследователя Т. Хоффмана, дивизия «Викинг», стала чудь ли не «его второй родиной» /11/. Сражаясь за нее, он тогда сумел на своем участке фронта силами вверенных ему в подчинение солдат несколько задержать прорыв советских танков, которые вели наступление с целью захвата железнодорожного моста через эту весьма полноводную реку. Как не без иронии по этому поводу заметил английский исследователь Р. Батлер, подобный «триумф был не таким уж и большим, но сейчас и это для немцев было редкостью» /12/.

С другой стороны, следует учитывать и другое. В Германии о своих бывших финских военнослужащих тоже вовсе не забыли. Наоборот, о них продолжали помнить и с ними стремились даже связывать определенные надежды. Как заметил германский посланник в Хельсинки В. Блюхер, после официального роспуска в Финляндии эсесовского батальона Г. Гиммлер «не прекратил свою игру» /13/.

Несомненно, что для нацистского руководства в новых условиях более важным стало скорее, нежели чем, использовать финских эсесовцев на немецком фронте, сохранять верных и надежных для себя людей в самой Финляндии. Поэтому, в воспоминаниях Блюхера прямо отмечается, что после расформирования финского батальона Г. Гиммлер «основал в Хельсинки центр, через который принялся организовать широкую поддержку для бывших эсесовцев и их семей». Объясняя важность создаваемого центра, немецкий посланник заметил: «Целью этого центра, несомненно, являлось помимо общечеловеческих благотворительных задач», еще стремление через своих бывших эссесовцев удержать прежнее нацистское влияние в Финляндии /14/.

Однако война уже клонилась к своему окончанию. В первой половине 1944 г. советские войска освободили практические всю территорию СССР. Они вышли к границам рейха, начали наступать в Польше. Союзники высадились во Франции.

Был открыт в Западной Европе второй фронт. Более того, финская армия в июне-июле 1944 г. потерпела сокрушительное поражение на Карельском перешейке и в Карелии. 20 июня части 21-й армии Ленинградского фронта взяли Выборг. Фактически, финские войска в ряде мест уже окончательно были отброшены к государственной границе.

В данной ситуации для руководства страны наступил весьма ответственный момент. Нужно было принимать судьбоносные решения и постараться, прежде всего, вывести Финляндию из войны. При этом парадокс складывающейся тогда ситуации заключался в том, что проблему окончания войны должны были решать именно те, кто до этого, собственно, Финляндию и привел к этой войне. Фактически, в тот момент возникшую перспективу полной катастрофы увидело все финское руководство. Но самым удивительным в этом смысле стала позиция маршала К. Г. Э. Маннергейма. Он тоже вынужден был признать постигшее страну поражение и также встал на путь поиска возможностей достойного выхода Финляндии из войны /15/. В результате, 1 августа 1944 г. в Хельсинки было официально объявлено об отставке президента страны Р. Рюти в связи с «ухудшением состояния здоровья», а затем без обычных выборов президентом стал Маннергейм. К тому же за ним сохранился и пост главнокомандующего, что означало сосредоточение в одних руках всего политического и военного руководства. Это также указывало еще и на то, что в финской столице готовятся к принятию кардинальных решений, связанных с участием Финляндии в войне. Причем в финских политических кругах произошедшее уже стали вообще расценивать не иначе как свершившийся государственный переворот /16/.

Критическое положение, в котором оказалась в это время финское государство, хорошо просматривалось и в Германии. Там, естественно, начали активно думать о том, как помешать заключению какого-либо финско-советского перемирия, которое неминуемо бы означало потерю еще одного союзника рейха.

В результате летом 1944 г. в нацистском руководстве стали разрабатывать план, согласно которому в случае возникновения угрозы выхода Финляндии из войны командование немецких войск, дислоцированных в Лапландии, должно было срочно постараться часть финской армии поставить под свое руководство и таким образом заставить финнов продолжить войну. Генерал-полковник Э. Дитль, который командовал располагавшейся там 20-й армией, полагал, что «у значительной части финский вооруженных сил, в отличие от пессимистически настроенного военно-политического руководства Финляндии, проявляется стремление биться до последнего патрона» /17/. Это положение затем легло в основу специального разработанного «Исследования по вопросу о продолжении борьбы в Южной и Центральной Финляндии в случае краха Финляндии». Считалось, что руководство 20-й армии должно было в тот момент срочно создать новый фронт, причем в его организации «первым условием было то, что значительная часть финских вооруженных сил под командованием немцев сможет продолжать сопротивление» /18/.

Но главным все же в кругах нацистского руководства оставалась идея, которая выражалась в стремлении вообще помешать финскому правительству разорвать свои отношения с Германией. Поэтому в Берлине, прежде всего, надеялись использовать имеющийся боевой потенциал немецкой 122-й пехотной дивизии, которая в июне 1944 г. появилась в районе Выборга. На базе частей этой дивизии предполагалось затем создать «сильную немецкую группировку на юге» страны. Она, конкретно, должна была блокировать все попытки Хельсинки встать на путь окончания войны /19/. Естественно, что этот план должен был опираться на мощь немецких вооруженных сил и мог быть реализован только при активном участии большого числа сторонников нацизма в самой Финляндии.

Однако общего военного потенциала в 1944 г. для оказания давления на финское руководство у Германии было явно недостаточно. Части 122-й немецкой дивизии, которые были

сняты с советско-германского фронта и переброшены на помощь обороняющимся финнам на юго-восточном направлении, не представляли грозной силы. Как заметил в своих воспоминаниях известный финский государственный и политический деятель В. Таннер: Эти части «были уставшими и плохо экипированными… Они прибыли из Эстонии и, несомненно, до своей отправки вели там тяжелые бои». Далее же он высказал весьма красноречивое наблюдение: «подавлено взирало на них население» страны /20/.

Это признание человека, который сам когда-то выступал за финско-германское военное сближение, было весьма показательно. В немецкую победу уже мало кто верил. Рассчитывать же на то, что в данных условиях нацистам кто-то в этой стране будет оказывать активную поддержку, было тоже достаточно сложно. К тому же 122-я пехотная дивизия уже в августе 1944 г., ввиду весьма тяжелого военного положения Германии в Прибалтике, вновь была возвращена на советско-германский фронт, заняв позиции под Таллинном и Пярну. В итоге, первоначальный план немецкого командования, строившийся на идее силами этой дивизии попытаться оказать военное давление на финское правительство, полностью провалился. По наблюдениям профессора М. Менгера, у Германии «из-за вынужденного вывода 122-й дивизии из южной Финляндии не оставалось собственных сил способных к сопротивлению», начавшемуся процессу выхода этой страны из войны /21/.

И именно тогда, когда немецкая 122-я дивизия в августе 1944 г. покинула Финляндию, в Хельсинки открыто заявили о своем желании достигнуть с СССР перемирия. Более того, в финское руководство стало явно демонстрировать намерение прямо вступить в переговорный процесс с советским правительством. Иными словами события начали уже развиваться стремительно, причем для Германии выработанный заранее план контрдействий оказывался в складывающейся ситуации просто трудно выполнимым. Поэтому в рейхе судорожно стали

искать другие, альтернативные варианты решения этой непростой задачи. В данной обстановке бывшие финские эсесовцы и могли как раз непосредственно опять пригодиться нацистскому руководству.

Таким образом, в возникающей вокруг Финляндии обстановке и стремительно нарастающих для нацистов проблем, в Берлине приступили к активному обдумыванию иного решения «финляндского вопроса», которое бы уже не строился на «силе и мощи» 122-й пехотной дивизии. В рейхе, как заметил М. Менгер, «чем больше утрачивалась вера в собственные возможности, тем более масштабным становились безудержные расчеты на коллаборациские круги Финляндии» /22/. Теперь немецкому руководству казалось, что оставалось лишь одно - организовать в Финляндии государственный переворот, который должен был закончиться отстранением от власти всех тех, кто выступал за мир. Причем моделью для будущего Финляндии мог стать режим, который был установлен нацистами в Норвегии, где страной управлял их ставленник В. Квислинг /23/. Опору же в организации и проведении этого переворота гитлеровцы видели, прежде всего, в финских солдатах, прошедших суровую эсесовскую школу.

Главным инициатором этой идеи вновь оказался обергруппенфюрер СС (подполковник) Г. Бергер. Он считался достаточно хитроумным и весьма энергичным человеком /24/ и, будучи сотрудником главного управления СС, ему опять пришлось решать вопрос, связанный с возрождением финского эсесовского движения.

И вот, 4 августа 1944 г. в условиях явно обозначившихся перспектив возможного полного разрыва Финляндии с Германией, Г. Бергер прибыл к Г. Гиммлеру. Их беседа касалась обсуждения непосредственной проблемы подготовки переворота в Хельсинки и отстранения от власти всего финского руководства. При этом, естественно, Бергер не мог не признать, что общеполитическая ситуация в Финляндии в 1944 г. в корне изменилась.

Он прямо заметил, что она отличается от того времени, когда в начале войны он лично выступал за необходимость организации финского эсесовского батальона. «После вынужденной ликвидации эсесовского батальона, - отметил Г. Бергер, - позиции СС в Финляндии оказались ослабленными». Тем не менее, по его мнению, определенные надежды на взаимопонимания с финнами все же сохранились, поскольку «после роспуска летом 1943 г. финского эсесовского батальона, в Финляндии лишь формально отказалась от услуг СС» и эсесовцы «реально продолжают активно оставаться в деле». Как он подчеркнул, - «работа велась в правильном направлении». Конкретно Бергер указал на то, что «командный состав эсесовского батальона был подобран хорошо и сохранил в Хельсинки неплохие связи с высшим руководством». Более того, в действительности, по представлениям обергруппенфюрера, именно «данный факт может быть непосредственно использован для организации профашистского сопротивления» /25/. Так, иными словами, в эсесовском руководстве принялись обсуждать перспективу нацистского переворота, используя при этом связи «с высшим руководством» прежних финских «солдат фюрера». В результате, в планах непосредственной подготовки, а затем и проведения переворота эсесовцам стали уже отводить весьма ответственную политическую роль.

8 августа 1944 г. Г. Гиммлер отдал распоряжение приступить к целому комплексу мероприятий, которые следовало срочно начать в Финляндии с тем, чтобы там «укрепить пронацистские силы» /26/. Причем в отданном тогда распоряжении уже указывалась реальная схема проведения мыслящихся в этой стране действий. В частности, в переданных эсесовским руководством указаниях предусматривалось, что «в случае заключения советско-финляндского перемирия и занятия советскими войсками Финляндии, часть финнов должно было быть интернировано и переправлена в Эстонию, а также в Латвию (т. е. на территорию, которая контролировалась немецкими войсками. - *В. Б.*)». Здесь из них предполагалось начать формировать воинские части с тем, чтобы они смогли «принять участие в боевых действиях вместе с немецкими войсками» на севере /27/. Что же касается самих финских войск, то в Берлине выражали надежду, что определенный контингент из них все же можно будет еще «склонить к дальнейшей борьбе на немецкой стороне, организовав партизанские отряды» /28/.

К тому же, как считали в Германии, важным становилось четко определиться с личностью руководителя планирующегося заговора и, возможно, даже будущего финского диктатора. Причем в рейхе свои надежды связывали прежде всего с представителями высокопоставленных финских генералов и старших офицеров, которые были очень хорошо знакомы немцам, т.к. ранее, еще в период Первой мировой войны, будучи солдатами кайзеровской армии, «верой и правдой» служили в составе 27-го прусского егерского батальона делу «великой Германии». По мыслям эсесовцев, именно бывшие участники этого т.н. «егерского движения», добившиеся теперь в финской армии большого карьерного роста смогут не допустить разрыва своей страны отношений с рейхом и вообще не позволят Финляндии выйти из войны.

Конкретные перспективы в организации переворота стали соединять, прежде всего, с именами финских генералов, бывшими «егерями», Х. Эстерманом и П. Талвела. В этих людях видели именно тех, кто наиболее эффективно смог бы силовым образом изменить военно-политическую ситуацию в Финляндии и отстранить от руководства страны ее президента и правительства, кто, наконец, был бы способен здесь создать некое подобие «военной диктатуры» /29/. При таком развитии событий, по мнению эсесовского командования, можно было вынудить Финляндию продолжить свое участие в войне. В результате, именно так в рейхе теперь пытались сохранить в своем лагере «братьев по оружию», как тогда величественно именовались финны.

Причем, кандидатура генерала Хуго Эстермана была подходящей в том смысле, что он еще с начала войны являлся представителем ставки Маннергейма при высшем германском военном командовании и очень хорошо был знаком нацистскому руководству. Именно он чрезвычайно много сделал для формирования в свое время финского батальона СС /30/. Более того, его положение и влияние в финской армии считалось достаточно высоким, что тоже не могло не привлекать внимание немецкого руководства. В рейхе полагали, что Х. Эстерман является «самый высокопоставленный, весьма влиятельный и наиболее известный» человек в Финляндии, который мог бы даже составить конкуренцию Маннергейму /31/. Объяснить эти представления, которые, вероятно, не совсем соответствовали действительности, очевидно можно было тем, что еще в 1930-х гг. Х. Эстерман занимал достаточно ответственный пост. Он являлся главнокомандующим вооруженными силами страны. Кстати, именно в то время Х. Эстерман был удостоен небывалой для финско-германских отношений чести - аудиенции у А. Гитлера, с которым у него состоялся предельно откровенный разговор /32/. В целом, по представлениям нацистов, Эстерман очень хорошо подходил для руководства заговора, его даже видели «в национал-социалистических кругах своеобразным “вождем финской нации”» /33/.

С другой стороны, в рейхе не менее большие надежды также возлагали еще и на одного высокопоставленного финского военного - генерала Пааво Талвела. Нацисты знали, что он «в последнее время занимал чрезвычайно сильную антирусскую позицию» /34/. Разумеется, в руководстве рейха помнили и то, что именно Талвела вел осенью 1940 г. переговоры о пропуске немецких войск в Финляндию /35/. Общеизвестны были также его прогерманские настроения и прогерманская политическая ориентации, что, естественно, также во всех отношениях подходило для реализации задуманной цели. К тому же тогда он был ближе всего к гитлеровскому командованию, поскольку с февраля 1942 г. заменил генерала Х. Эстермана на посту представителя ставки Маннергейма и поэтому в это время лично находился в рейхе.

Важным преимуществом П. Талвела являлось еще и то, что он был боевым и прославленным генералом, «героем “зимней войны”». Это позволяло нацистам рассчитывать, что в случае начала переворота именно Талвела смог бы «непосредственно возглавить войска» /36/. Данные надежды еще подкреплялась верой в способности генерала создать в финских военных кругах оппозицию к маршалу Маннергейму. В данном отношении весьма примечательным оказался составленный еще весной 1944 г. аналитический документ немецкого военного ведомства. В нем, оценивая взаимоотношения финского генерала с маршалом, указывалось: «Между маршалом Маннергеймом и генералом Пааво Талвела проявляются острые противоречия. В оборонительном ведомстве Финляндии Талвела представляет собой волевого человека и некоторые близкие к нему военные деятели придерживаются его позиции, заявляя, что не пойдут следом за маршалом Маннергеймом, если тот, руководя войсками, отойдет обратно к границе 1940 г.» /37/. В итоге, П. Талвела становился, может быть, наиболее подходящей фигурой, чтобы возглавить пронемецки настроенную часть финской армии, которая не желала бы смириться с поражением, сохраняя свою верность Германии и начатому вместе с ней делу войну против общего врага.

Тем не менее, события стали разворачиваться именно в направлении выхода Финляндии из войны. Поэтому, когда в начале осени 1944 г. финское руководство четко пошло по пути заключения с СССР соглашения о перемирии и решило направить свою делегацию в Москву, усилия Германии по созданию в Финляндии пронацистского сопротивления достигла своей высшей и по свой сути кульминационной стадии. Как отмечает профессор М. Менгер, теперь для Берлина «становилось первой и важнейшей целью склонить часть финской армии к дальнейше-

му продолжению борьбы» против Советского Союза /38/.

В результате, на «финском направлении» германское руководство перешло к решительным действиям. 5 сентября, т. е. спустя два дня после того, как «Маннергейм направил Гитлеру послания, в котором выражал “теплые слова признательности по адресу немецкой армии” и в тоне провинившегося школьника сообщал, что Финляндия решила прекратить войну» /39/, в Берлине отреагировали крайне жестко. Там, по личному распоряжению А. Гитлера, приступили к практической реализации идеи о переориентации части финской армии на продолжение совместной с германскими войсками войны.

Эта попытка вначале имела достаточно комплексный характер. Речь шла об образовании в вермахте из «финских солдат, не желавших смириться с участью капитуляции Финляндии,... войсковое соединение под командованием немцев». Конкретно проработкой этой задачи должны были заниматься в руководстве группы армий «Север» /40/ Параллельно командование немецкими войсками, находящимися в самой этой стране получило задание «привлечь выражавших недовольство финских солдат в немецкую армию, стоящую в Лапландии» /41/. И, наконец, к решению поставленной задачи были подключены и силы СС. Здесь ставилась задача возродить идею новой вербовки граждан Финляндии в эсесовские части, надеясь при этом опять постараться, «используя старые финские связи с войсками СС, набрать в эти войска финских солдат» /42/. Конкретно планировалось на базе 6-й немецкой горнострелковой эсесовской дивизии «Норд», которая воевала на финском фронте, организовывать очередную запись финских добровольцев в части СС /43/.

Но, разумеется, в любых условиях рейху нужен был новый финский пронацистский военный лидер. В сложившихся условиях единственным кандидатом на эту роль мог стать только П. Талвела, поскольку он тогда все еще продолжал находиться в Германии. Именно с ним, естественно, легче и быстрее можно

было достигнуть договоренность, поскольку, скажем, другой кандидат на лидерство в данном деле - генерал Х. Эстерман в тот период уже был в Финляндии, занимая при этом мало значительную должность инспектора пехоты /44/. В результате, в ночь на 5 сентября 1944 г., т. е. именно тогда, когда А. Гитлер решил перейти против существующего финского руководства к тактике активной борьбы, произошла личная встреча рейхсфюрера СС Г. Гиммлера и генерала П. Талвела.

Беседа между Гиммлером и Талвела оказалась достаточно дружественной. Обрисовав сложившуюся ситуацию вокруг финско-немецких отношений, рейхсфюрер затем отметил, что теперь, в случае заключения Финляндией перемирия, его страна может быть оккупирована СССР и таким образом это приведет к уничтожению как финского государства, так и финского народа. Далее же было прямо указано, что Талвела, по имеющимся у нацистского руководства представлениям, является именно «таким человеком, который может продолжать бороться на стороне Германии». И после столь лестного определения, сделанного рейхсфюрерором, ему сделали откровенное предложение: если Талвела «возглавит в Финляндии движение сопротивления, то за ним будет стоять поддержка Великой Германии». В случае же неблагоприятного для Финляндии хода развития событий финский генерал, по мнению эсесовского руководства, может даже рассчитывать но то, что «возглавит правительство Финляндии в эмиграции» /45/.

Но, на эту весьма смелую инициативу, о котором Талвела узнал в ставке войск СС, он, тем не менее, дал сдержанный ответ. Финский генерал заявил, что собирается срочно «возвратиться в Финляндию, где и будет находиться его дальнейшее место пребывание»/46/. Более того Талвела подчеркнул, что он будет «подчиняться только маршалу Финляндии» /47/. Этот ответ, на выраженное ему «доверие» со стороны рейха, можно квалифицировать, как проявление только негативной реакции на немецкое предложение. По наблюдению адъютанта Гиммлера,

«Талвела выглядел больше озабоченным, чем обрадованным после посещения рейхсфюрера» /48/. Пытаясь разобраться в причинах такого поведения финского генерала, немецкий историк М. Менгер заметил, что «ему представлялось все-таки трудным выступить против Маннергейма» /49/.

Тем не менее Талвела, по итогам произошедшей у него беседы, сразу же направил Маннергейму телеграмму, в которой встречу с рейхсфюрером СС назвал «исключительно дружественной» и передал финскому маршалу опасения Гиммлера относительно грядущей «угрозы уничтожения финского народа» /50/. Это говорило о том, что все же Талвела со всей серьёзностью подошел к словам, которые ему сказал эсесовский руководитель.

В Берлине же беседа с Талвела, которую провел Гиммлер, естественно, получила продолжение. Далее финский представитель имел еще встречу с генерал-полковником А. Йодлем. На ней также обсуждался вопрос относительно перспектив организации «движения сопротивления» в Финляндии. Любопытно, что, как сообщалось эсесовскому руководству по итогам этой беседы, речь шла о налаживании новых связей между финским и немецким командованием путем тайной координации действий двух армий. И хотя П. Талвела тогда заявил, что для этой цели нужен «другой, более молодой генерал», важным оказалось то, что все же договорились, что Талвела установит с Йодлем личную секретную связь, которая должна была осуществляться через немецкого военного атташе в Стокгольме генерала Б. Учмана /51/.

Примечательным, однако, стало то, что в опубликованных в конце 1970-х гг. дневниках П. Талвела, автор так и не нашел на их страницах места, чтобы подробно рассказать о своей последней беседе с А. Йодлем. Он назвал ее лишь только «теплой», но не более того /52/. Далее же, достаточно быстро, уже 7 сентября финский генерал покинул Германию. Он отбыл к себе на родину, где представил Маннергейму подробный ра-порт,

прежде всего, о его переговорах с Гиммлером /53/. Однако удивительным в этом всем является то, что сам прославленный финский генерал почему-то уже 14 сентября /54/, еще до подписания соглашения о перемирии с СССР ушел в отставку, а затем, быстро с семьей покинул страну, перебравшись в соседнюю Швецию. Столь стремительное по своей оперативности решение оставить свою родину в весьма не простое для нее время выглядит достаточно удивительным. Может быть эти быстрые действия, предпринятые финским генералом, являлись следствием именно произошедших у него бесед «с многочисленными знаками внимания» /55/, в период завершающей стадии его пребывания в Третьем рейхе?

Так это было или нет, но, по крайней мере, эсесовцы продолжали вести в Финляндии активную работу и как отмечает профессор М. Менгер, Гиммлер даже «ждал успеха в этом вопросе» /56/. Новый командующий 20-й армией генерал-полковник Л. Рендулич тоже считал, что в Финляндии следует установить военный режим, который должен контролироваться службами СС /57/. Не случайно, поэтому, в приботнический финский город Пори тогда прилетело порядка десяти немецких эсесовских офицеров. Они были туда приглашены бывшими военнослужащими финского батальона СС «в качестве гостей», но принялись затем активно обсуждать со своими «коллегами» проблемы будущего «теневого правительства Финляндии» /58/.

Конкретно, деятельность по организации в Финляндии «внутреннего фронта сопротивления» возглавил начальник внешней разведки Главного управления имперской безопасности бригаденфюрер СС (генерал-майор) В. Шелленберг. Под его контролем в начале сентября сотрудники руководства СС в Хельсинки, а также финские офицеры СС Ю. Итяля и В. Вайнио, имея при себе «значительное количество финской валюты», приступили к работе «по организации добровольцев» для создания финских воинских соединений на базе 6-й дивизии СС «Норд» /59/. Кроме того, в Финляндии эсесовцы начали плани-

ровать формирование т. н. «антисоветского подполья, которые должно было приступить к действиям в случае советского вторжения в страну» /60/. Опору в подготовке подобного характера «движения сопротивления» должны были стать представители антироссийской организации «Академическое карельское общество», профашистской партии «Патриотический народный союз», а также другие пронацистские и крайне правые группы типа «Союза офицеров резерва», «Союза братьев по оружию» и т. п /61/.

При этом, однако, генерал В. Эрфурт 8 сентября вынужден был записать в своем дневнике: «До сих пор непохоже, чтобы хотя бы один финн был бы готов сражаться в рядах вооруженных сил Германии» /62/. И это можно было объяснить, прежде всего, тем, что в Финляндии итог войны был уже понятен и большинство населения страны мечтало лишь только об одном - о мире. Поэтому, попытка стремительно организовать с помощью финских эсесовцев тайную сеть будущего «движения сопротивления» /63/ мало что реально давала.

С другой стороны, советское руководство не планировало оккупации Финляндии и в сентябре 1944 г. не требовало от финского правительства безоговорочной капитуляции. Это делало главную цель нацистского «движения сопротивления» - борьбы с советским режимом достаточно сомнительной. К тому же, финские власти стали проявлять в отношении пронацистские настроенных финнов явную осторожность. По распоряжению Маннергейма в Хельсинки усилили в это время меры безопасности «против угрозы диверсий со стороны немцев» /64/. Данные меры выразились и в том, что в начале сентября в Финляндии начали задерживать сочувствовавших к национал-социализму финнов /65/. После же того, как 19 сентября было подписано соглашения о перемирии, существовавшие в Финляндии профашистские организации вообще были запрещены. Все это в комплексе не позволило начать активно использовать бывших финских эсесовцев для энергичного налаживания решительных

действий против тех, кто выступал за окончание войны.

Таким образом, попытка организации нацистами быстрого заговора против финского руководства с использованием своих бывших военнослужащих из числа лиц, которые ранее проходили службу в финском батальоне СС, уже на начальной стадии ее реализации потерпела серьезную неудачу. Не удалась и попытка наладить создание пронацистских финских воинских частей. Как не без горечи заметил затем немецкий генерал В. Эрфурт, «те финны, которые стремились вступить в германский вермахт, представляли собой исключение, большинство же даже и не думало срывать принятый финским правительством политический курс и отказывать маршалу в повиновении» /66/. В результате, осуществление идеи активного использования в ходе предполагаемого заговора финских эсесовцев оказалось крайне сложным делом. Бывшие военнослужащие финского эсесовского батальона составляли в Финляндии очень ограниченное число людей, они не были объединены в единую армейскую часть, а наоборот были распылены по различным соединениям финской армии. Основная же масса финских солдат гибнуть за идеи нацизма очевидно не собиралась.

Однако прогерманские настроения в финском руководстве все же сохранялись и этому являлось доказательство, подписанное высшим военным командованием Финляндии тайное соглашение с рейхом. Еще 5 сентября командующий 20-й армией генерал Л. Рендулич телеграфировал в Германию: «Я повторяю мою просьбу организовать движение сопротивления в Финляндии. Прежде всего для того, чтобы финские солдаты не воевали против нас» /67/. Фактически, именно это и было то, о чем генерал-полковник А. Йодлем говорил с П. Талвела в момент их последней встречи. Действительно, в развитии выдвинутых немецким командованием инициатив, военное руководство Финляндии согласилось на заключение тайного соглашения с рейхом. По распоряжению К. Г. Маннергейма подполковник У. С. Хаахти подписал с начальником штаба 20-й армии строго сек-

ретный договор. В нем говорилось о проведении совместной военной операции, получившей кодовое название «Осенние маневры». В результате ее осуществления немецкие части получили возможность беспрепятственно отходить на север страны, концентрируясь в Лапландии. Таким образом, на данном этапе для немецкого командования создавались исключительно благоприятные условия вывода войск и полного сохранения 20-й армии, поскольку Финляндия взяла на себя обязательство исключавшее возможность любых боевых столкновений своих войск с немцами /68/. Для Германии к тому же это соглашение позволяло не только полностью взять под свой контроль стратегические важные районы Лапландии, но еще и сохранить определенные надежды на возможность как-то «склонить часть финской армии к дальнейшей борьбе» на стороне рейха /69/. Как по этому поводу записал в своих воспоминаниях бывший военнослужащий 6-й дивизии ваффен-СС «Норд» И. Фосс, «нам казалось невероятным, что наши братья по оружию повернут против нас штыки» /70/.

Тем не менее, с подписанием между СССР и Финляндией 19 сентября 1944 г. соглашения о перемирии финско-немецкий разрыв становился неизбежным. Более того, Германия явно начала утрачивать прежние рычаги определенного влияния на население Финляндии, как это было раньше. После заключения соглашения о перемирии, финская цензура сразу же отдало распоряжение органам массовой информации о запрете публикации всяких материалов о финско-германском «братстве по оружию», о финском батальоне СС и т. д /71/. Более того, радио Финляндии приступило к активной критике тезиса немецкой пропаганды о том, что «финское население сочувственно относится к Гитлеру» /72/, что явно означало стремление более решительно, в идеологическом плане, оторваться от нацизма.

В складывающейся неблагоприятной для Германии ситуации эсесовцам оставалось лишь только одно - пытаться наладить работу своей собственной пропагандистской машины, нап-

равленной на формирование в общественных кругах Финляндии взглядов противоположных официально провозглашаемым финскими органами массовой информации. В частности, 23 сентябрь 1944 г. в эсесовском руководстве, определили главные задачи своей пропаганды, которые выражались в стремлении «разжечь у финского населения настроения направленные против мирных условий», а также создать условия для «обеспечения притока новых добровольцев (в немецкие части на севере Финляндии. - *В.Б.*)». Кроме того, считалось необходимым с помощью активной агитации «не допускать столкновения час-тей армии Маннергейма с немецким вермахтом» и параллельно пропагандировать идеи «создания основ для образования этнически национального правительства». Далее у СС содержалась еще установки направленные на то, чтобы в Финляндии как-то представить действия Маннергейма «как преступные в отноше-нии своего народа». Причем этот тезис особое значение имел в развертывании специальной пропаганды в отношении финских войск, которых следовало всячески призывать к «продолжению борьбу против советской армии и присоединению к немецким частям», а также для сельского населения страны, с тем, чтобы их активно вовлечь в организацию «партизанской борьбы» /73/. Иными словами со стороны СС началась развертываться весьма жесткая пропагандистская работа, направленная против государственного и военного руководства Финляндии.

В этом отношении значительную роль, в частности, стали отводить созданной тогда специальной радиостанции «Свободное радио Финляндии». Она начала на коротких волнах вещать на всю территорию страны, а главным ее диктором был назначен бывший военнослужащий финского эсесовского батальона унтерштурмфюрер СС (лейтенант) Ю. Пурьо. На Финнляндию в сложившихся условиях посыпались призывы, в которых говорилось: «Стране в час ее бедствия брошен вызовов, речь идет о наших домах, о наших семьях, о нашей вере! Защитим каждую пять нашей земли! Сохраним Финляндию от рус-

ских! Только такая борьба будет благословлена Богом!» /74/. Однако больше звучавших в эфире этих «красивых» лозунгов, лившихся с немецкой эсесовской радиостанции, дело не шло. Поэтому и эффективность данной работы была весьма незначительной. Свидетельством тому стал факт того, что на завершающей стадии войны финнов, желающих продолжать боевые действия на стороне Германии, оказалось весьма не много, всего 68 человек. Причем из числа этих финских военнослужащих только 8 имели офицерские звания. По распоряжению руководства СС, эти последние «братья по оружию» тем не менее были все же приведены к эсесовской присяге на верность Адольфу Гитлеру. Причем фюрера в клятве финнов именовали не иначе как «лидером всех немцев и покровителем националистской Финляндии» /75/.

Таким образом, к концу 1944 г. СС из финских новобранцев опять могло создать воинское формирование. Однако оно по своей численности даже недобрало и до одной третьи от прежнего количественного состава финского батальона. Эсесовское руководство теперь при большом желании из новых финских ваффен-СС способно было лишь организовать только одно войсковое подразделение, которое по численности было бы менее роты солдат. В итоге, в сложившихся условиях эсесовцам в Финляндии оставалось только рассчитывать на весьма небольшую часть своих сторонников. Эти люди могли в весьма ограниченном объеме пополнить силы ваффен-СС.

Но в эсесовском руководстве для финских волонтеров изобрели еще одно применение. Их стали привлекать к достаточно своеобразной по своей сути форме деятельности. Они начали проходить подготовку для немецкой агентурной разведки, которая должна была уже вестись против Финляндии /76/. Любопытно, что к этому стали еще привлекать и женщин. Очень небольшая часть поклонниц эсесовского движения из числа женского населения Финляндии смогла с этой целью даже перебраться в рейх. Их там определили в специальную разведывательную школу /77/. Но долго данная специфическая работа, в условиях завершения войны и краха фашизма, уже осуществляться просто не могла.

В целом, обострение финско-германских отношений в конечном итоге привело к началу прямых боевых столкновений между войсками двух стран. К тому же переход к решительным действиям, направленным против германской группировки войск на севере Финляндии, требовало и подписанное соглашение о перемирии. В результате в Лапландии начались самые настоящие боевые столкновения между финскими и немецкими войсками, которые в истории получили название «лапландская война» /78/. Причем в тот момент Маннергейм отдал достаточно показательный по своей сути приказ. По этому приказу бывшие военнослужащие эсесовского батальона, находившиеся в рядах финской армии, но не желавшие «по соображениям совести» воевать против германских войск, могли в боевых действиях уже не участвовать /79/.

Таким образом, сторонники Третьего рейха еще оставались в Финляндии. Более того, в условиях реально возникшей финско-германской войны, которая была 4 марта 1945 г. руководством Финляндии даже официально объявлена, не остановило ряд финских эсесовцев, продолжавшим сохранять верность клятве, данной им фюреру и находиться на стороне Германии. Это были, прежде всего, те, кто служил тогда в дивизии ваффен-СС «Викинг» /80/. Сама же дивизия сражалась за рейх вплоть до момента капитуляции Германии. Ее бойцы даже обороняли Берлин весной 1945 г., но это были уже «жалкие крохи “Викинга”». Как пишет английский исследователь Р. Батлер: «Это было все, что осталось от некогда гордых и порой надменных питомцев Штайнера» /81/.

Так закончилась весьма непродолжительная история, связанная с попыткой организации финского эсесовского движения и создания из финнов эсесовские войска. Нельзя сказать, что они добились каких-либо блистательных побед, действуя в сос-

таве германской армии. Их существование скорее имело политическое и идеологическое значение для Финляндии и Германии. Очевидно, что здесь можно отчасти согласится с оценками, которые существуют в современной финской литературе по даному поводу. Такое весьма неординарное явление, как формирование на территории суверенного государства немецким командованием эсесовских частей, несомненно, было вызвано большим желанием самого руководства Финляндии иметь некий залог в лице военнослужащих финского батальона СС, который «мог окончательно укрепить уверенность Финляндии в получении от Германии помощи» /82/. Когда же ко второй половине войны, после того, как произошел коренной перелом и немецкая армия начала терпеть неудачи, союз с рейхом становился опасным. В этих условиях в Хельсинки от батальона СС решили отказаться. Но до самого последнего момента в Финляндии все же сохранялись условия, при которых эсесовское движение могло здесь опять еще раз возродиться.

При этом нельзя считать, что подобные действия финского руководства имели глубоко моральную составляющею в отношении к своему собственному народу, часть которого, возможно, разделяла фашистскую идеологию. На самом деле, это лишь свидетельствовало о достаточно серьезной готовности верхов страны приносить в жертву нацистам не только своих граждан, но даже и где-то самим воспринимать эту идеологию. Ярким доказательством тому стала легкостью, с которой была организована запись в эсесовские части на финской территории в 1941 г. Тогда, фактически, за два месяца в Финляндии удалось завербовать в СС такое количество людей, которое могло позволить Германии развернуть у себя полнокровную финскую воинскую часть. Оценивая сложившуюся тогда в Финляндии ситуации здесь далеко не достаточно указывать лишь на формальную заинтересованность Хельсинки в необходимости получения немецкой поддержки, которую рейх мог оказать их стране в ее подготовке к войне против СССР. Важно учитывать и другое.

Очевидно, что нацистская идеология все же непросто существовала, но и нашла в Финляндии достаточно хорошую питательную почву. И это произошло даже при условии отсутствия у финнов арийского, расового соответствия с германскими народами, что являлось весьма важным атрибутом, который учитывался при отборе в СС.

Несомненно, здесь уже четко просматривалась определенная идеологическая близость к нацистам, которая затем ярко обнаружилась у финской оккупационной администрации на захваченной Финляндией советской территории. Как утверждает известный финский исследователь Й. Бэкман, в 1941-1944 гг. в Карелии, «в глазах финского оккупационного правительства, “русские не были людьми”» /83/. Это, как раз и соответствовало расовым критериям, которые активно внедрялись в сознание нацистами в условиях войны против народов СССР и очень хорошо подходило эсесовцам.

Однако в Финляндии нацистской идеологии был, безусловно, нанесен сильный удар. Удар, который, прежде всего, был связан не с позицией руководства страны, а был вызван поражениями немецких войск на восточном фронте. Динамично меняющаяся в ходе войны обстановка требовала изменений и в отношении подхода к нацизму. По мере увеличения числа военных поражений Германии эсесовское движение в Финляндии стали воспринимать с все большей подозрительностью. Это был вполне объективный процесс и его причины, столь неприятные для Берлина, весьма ярко раскрыл немецкий профессор Маннфред Менгер. Он указал, что в конце войны в Финляндии «даже от самых решительных противников Советского Союза не удавалось скрыть, понимание того, что не было совершенно ничего хорошего в продолжении войны на стороне нацистской Германии». И далее он замечает: «Этот объективный факт не мог быть развеян только лишь с помощью размахивания нацистским стягом или знаменем антикоммунизма» /84/.

Тем не менее, финский народ дорого заплатил за сотруд-

ничество с рейхом. То, что руководство Финляндии на завершающей стадии войны стремилось сохранить доброжелательные отношения с Германией и даже заключило в сентябре 1944 г. тайное соглашение, позволяющее беспрепятственно отвести немецкому командованию свои войска на север, сыграло недобрую службу для самой Финляндии. Вывод немецкой 20-й армии из ряда районов страны позволил нацистам осуществить общую концентрацию своих сил на стратегически важных направлениях Лапландии. Это затем имело для Финляндии весьма печальные последствия. Та часть страны, где оказались немецкие войска, превратилась в руины. Неизбежность столкновений немецкой и финской армий привело к тому, что, отходящие на севере немецкие части, при отступлении осуществляли тактику «выжженной земли», подвергая почти тотальному уничтожению населенные пункты на оставляемой ими финской территории. По приказу командующего 20-й горной армии генерал-полковника Л. Рендулича началось сплошное разрушение в контролируемой немецкими войсками Лапландии шоссейных и железных дорог, мостов, паромных переправ, средства связи, общественных зданий и жилых построек. Были превращены в руины ряд крупных населенных пунктов этой части страны, урон здесь составил до 90 процентов. Тысячи людей Северной Финляндии остались без крова, имущества и средств существования. Как записал 17 сентября 1944 г. в своем дневнике офицер службы пропаганды финской армии О. Пааволайнен: «Немцы приступили к организованному уничтожению Северной Финляндии! Наше отношение к ним сразу стало резко антинемецким…». Далее же, на следующий день, в его дневнике появилась еще одна выразительная запись: «Я никогда не любил немцев, а теперь я их ненавижу» /85/. Таков был финал нацистского движения в Финляндии.

В этих условиях существование пронацистских и ультраконсервативных финских организаций было уже просто нелепо и они начали запрещаться. В общей сложности в конце войны

было распущено 1100 таких организаций /86/. Это происходило уже в соответствии с условиями соглашения о перемирии и после принятия специального закона по данному поводу финляндским парламентом. Что же касается финских эсесовцев, то их стали срочно демобилизовывать из вооруженных сил, а затем приглашать в финскую полицию для дачи соответствующих показаний, выясняя их конкретную причастность к военным преступлениям нацизма. При этом были даже случаи, когда некоторые из этих финских эсесовцев арестовывались и затем передавались в качестве заключенных в СССР /87/. Кроме того, тех, кто успел на стороне Германии еще повоевать непосредственно против финских войск, отдавали под суд, но уже в самой Финляндии. Им инкриминировалось совершение государственной измены.

Однако в отличие от других стран эсесовцев в Финляндии в большинстве своем особо не преследовали. Считалось, что они, «следуя идеям высшей расы и ее историческому идеалу», не могли все же совершать, действуя во фронтовых частях ваффен-СС, военных преступлений. Это утверждение, тем не менее, не до конца возможно соответствует историческим реалиям Второй мировой войны, поскольку финны, проходя служу в этих идеологизированных и весьма специфических войсках Германии, бесспорно, были обязаны даже самим фактом добровольного «служения фюреру» разделять определенный груз ответственности, который существовал у всех эсесовцев, активно совершающих военные преступления на оккупированной территории. Этот груз ответственности, очевидно, должен был быть разделен и руководством Финляндии и, прежде всего, окружением К. Г. Маннергейма и им самим. Финский маршал лично был связан со всей историей финского эсесовского движения, поскольку именно он персонально решал все основные вопросы, связанные с созданием, деятельностью, а затем и роспуском финских эсесовских формирований. Это является абсолютно очевидным фактом и неслучайно, поэтому даже памятный знак на главном кладбище финской столицы, посвященный погиб-

шим бойцам финского эсесовского батальона, находился в непосредственной близости от того места, где похоронен сам К. Г. Э. Маннергейм.

1. См.: Talvela P. Sotilaan elämä. Muistelmat. Os. II. Jyväskylä, 1977. S. 261-265.
2. Tanner V. Suomen tie rauhan 1943-44. Hels., 1952. S. 68.
3. Цит. по: Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. Vol. III. Washington, 1963. P. 280.
4. Ibid. P. 281.
5. Ibid. P. 282.
6. Ibid. P. 280.
7. Berry R. M. American Foreign Policy and the Finnish Exception. Hels., 1987. P. 305.
8. Паасикиви Ю.-К. Дневники. Война-продолжение. 11 марта 1941-27 июня 1944. СПб., 2004. С. 260.
9. Хоффман Т. Дивизия СС «Викинг». М., 2009. С. 28.
10. Там же. С. 156.
11. Там же. С. 350.
12. Батлер Р. SS-WIKING. История пятой дивизии СС Викинг, 1941-1945. М., 2006. С. 135.
13. Blücher W. Suomen kohtalonaikoja. Muistelmia vuosilta 1935-44. Porvoo-Hels., 1951. S. 302.
14. Ibidem.
15. См.: Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во второй мировой войне. Л., 1989. С. 274 - 276.
16. Там же. С. 275.
17. Цит. по: Menger M. Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988. S. 219 (Далее: Menger M. Deutschland...).
18. Ibid. S. 220.
19. Menger M. Spekulationen und Bestrebungen um die Errichtung einer profaschistischen finnischen Widerstandsfront im Jahre 1944 // Bulletin des Arbeitskeises „Zweiter Weitkrieg“. 1983. № 3-4. S. 9. (Далее: Menger M. Spekulationen...)
20. Tanner V. Op. cit. S. 307.
21. Menger M. Spekulationen... . S. 9.
22. Menger M. Deutschland... . S. 220.

23. Rislakki J. Erittäin salainen. Valkoilu Suomessa. Hels., 1982. S. 290.
24. Батлер Р. Ук. соч. С. 14.
25. Menger M. Spekulationen... . S. 9; Menger M. Deutschland ... . S. 221.
26. Ibid. S. 10.
27. Menger M. Deutschland... . S. 221.
28. Menger M. Spekulationen... . S. 9.
29. Ibid. S. 9-10.
30. Hartikainen P. Hugo Österman. Sotaväen päällikö - rakentaja ja puolustaja. Hels., 2001. S. 372.
31. Ibid. S. 375.
32. Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне. Восточная политика Финляндии в 1930-е гг. СПб., 1997. С. 170.
33. См.: Hartikainen P. Op. cit. S. 372.
34. Menger M. Spekulationen... . S. 10.
35. См.: Барышников В. Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. СПб., 2005. С. 121 - 122.
36. Menger M. Spekulationen... . S. 10.
37. Цит. по: Lehmus K. Kolme kriisiä. Hels., 1971. S. 211.
38. Menger M. Spekulationen... . S. 10.
39. Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Ук. соч. С. 281.
40. Эрфурт В. Финская война 1941-1944 гг. М., 2005. С. 255; Menger M. Spekulationen... . S. 10.
41. Эрфурт В. Ук. соч. С. 255.
42. Там же.
43. Menger M. Spekulationen... . S. 11.
44. Hartikainen P. Op. cit. S. 397.
45. Talvela P. Op. cit. S. 483.
46. Ibidem.
47. Brantherg R. Sotakenraalit. Jyväskylä, 1998. S. 215; Menger M. Spekulationen... . S. 12.
48. Menger M. Spekulationen... . S. 13.
49. Ibidem.
50. Talvela P. Op. cit. S. 483.
51. Menger M. Spekulationen... . S. 13.
52. Talvela P. Op. cit. S. 484.

53. Menger M. Spekulationen... . S. 13.
54. Talvela P. Op. cit. S. 484.
55. Эрфурт В. Ук. соч. С. 256.
56. Menger M. Spekulationen... . S. 12.
57. Rislakki J. Op. cit. S. 291.
58. Ibidem.
59. Menger M. Spekulationen... . S. 12. См. также: Erfurth W. Sota-päiväkirja vuodelta 1944. Porvoo-Hels., 1954. S. 281.
60. Menger M. Spekulationen... . S. 11.
61. Susi E. Oikeiston salalitot 1944 - 1945 // Tiedonantaja, 1984. 14. 09.
62. Erfurth W. Op. cit. S. 281.
63. Rislakki J. Op. cit. S. 293.
64. Ibid. S. 291.
65. Ibid. S. 292.
66. Эрфурт В. Ук. соч. С. 255.
67. Цит. по: Menger M. Spekulationen... . S. 11.
68. Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Ук. соч. С. 284.
69. Menger M. Spekulationen... . S. 10.
70. Фосс И. «Черные эдельвейсы» СС. М., 2009. С. 215.
71. Rusi A. Lehdistösensuuri jatkosodassa. Hels., 1982. S. 354.
72. Menger M. Spekulationen... .. S. 13.
73. Ibid. S. 14.
74. Ibid. S. 14, 15.
75. Ibid. S. 16-17.
76. Rislakki J. Op. cit. S. 292, 293, 295.
77. Ibid. S. 296.
78. См.: Фосс И. Ук. соч. С. 238-254.
79. http://fi.wikipedia.org/wiki/SS-vapaaehtoispataljoona_Nordost (прос. 20.09.2010).
80. См.: Батлер Р. Ук. соч. С. 135.
81. Там же. С. 166.
82. Jokipii M. Jatkosodan synty. Keuruu, 1987. S.206.
83. См.: Бэкман Й. Отображение оккупации советской Карелии в 1941-1944 гг. в научной, художественной и мемуарной литературе Финляндии // От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939-1944 гг. СПб., 2006. С. 309.

84. Menger M. Spekulationen... . S. 17.
85. Paavolainen O. Synkkä yksinpuhelu. Päiväkirjan lehtiä vuosilta 1941-1944. Hels., 1960. S. 571.
86. Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Ук. соч. С. 295.
87. http://fi.wikipedia.org/wiki/SS-vapaaehtoispataljoona_Nordost (прос. 20.09.2010).